

«...АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПОМНИТ ПРО ВСЕХ»

Лейла Шахназарова

Сегодня мы предлагаем вам любопытные суждения о феномене Пушкина в восприятии иностранного читателя — американского интеллектуала, выпускника Гарвардского университета Адама Смита Альбиона, сотрудника Института изучения современных мировых проблем (США). Кстати, — неисповедимы пути жизни и литературы! — по слухам, прямого потомка того самого Адама Смита, которого читал Онегин в ущерб Феокриту. Красивая версия, хочется поверить...

«Я впервые, если можно так сказать, «обнаружил» Пушкина в 15 лет, в редком сборнике «Европейская романтическая поэзия», куда было включено всего два его коротких лирических произведения среди гораздо более объёмных подборок Шелли, Рембо, Гейне и других поэтов, которыми я восхищался. Стихотворения русского поэта я несколько раз перечитал и, поскольку их английские переводы никакого особенного впечатления на меня не произвели, забыл о Пушкине на десять лет. До тех пор, пока, начав изучать русский язык, не попытался читать его в оригинале.

В англоязычных странах Пушкин по сравнению с другими мастерами европейской литературы известен мало. Примечательный факт: в серию «Гарвардские классики» (состав которых сформировался к 1909 году, но, естественно, не раз пополнялся и обновлялся в течение XX века), то есть в число тех авторов, чьё творчество считается на Западе наиболее значительным среди литературного наследия человечества, Пушкин не вошёл. Не включены его произведения и в 54-томную серию «Великие книги западного мира» (1952), изданную под эгидой знаменитой Британской энциклопедии. Составители ставили себе целью познакомить читателя с широчайшим диапазоном создателей письменной культуры — от Гомера до Фрейда и американского психолога Уильяма Джеймса. Конечно, не были забыты здесь Данте, Рабле, Сервантес, Шекспир и Мильтон, другие замечательные представители главных европейских литературных традиций.

Но Пушкина нет!

Нельзя, однако, обвинять составителей в сознательной тенденциозности. Среди вершин литературы девятнадцатого века, судя по их отбору, числятся Мелвилл,

Дарвин, Маркс и Энгельс, Толстой и Достоевский. Последние два автора укоренились в западном восприятии как высочайшие символы русской гениальности, их произведения, считается, необходимо знать каждому образованному человеку. Чехова и Гоголя в английских переводах тоже можно купить в любом солидном книжном магазине Лондона и Вашингтона. А вот Пушкина найти гораздо труднее. Почему же? Не буду отвечать за литературные вкусы всего англоязычного мира, но могу указать на несколько факторов, которые препятствуют настоящей оценке Пушкина у нас.

Прежде всего, никакие стихи славянских поэтов не имеют достаточно удачных переводов на английский, вероятно, из-за слишком большого несходства грамматик этих языков. Пушкин же представляет в плане перевода особенно много трудностей. Его отшлифованные четырёхстрочные строфы оставляют переводчику очень мало «места для манёвра». И попытки передать его стиль, где за доходчивыми, простыми словами скрывается глубокий смысл, пока оставались безуспешными. Простые, прозрачные слова переводятся — глубокий смысл теряется почти бесследно.

Помимо проблем технических, связанных с языковыми трудностями, существуют ещё причины, почему Пушкин недооценен англоязычным читателем. Известно, что русский поэт испытал на себе влияние Байрона. Евгений Онегин во многих отношениях часто отождествляется с байроновскими героями, а идеи пушкинской лирики нередко кажутся почерпнутыми у английского поэта. Не всегда лестными для русского автора оказываются и частые сравнения пьесы «Борис Годунов» с трагедиями Шекспира, наводя на мысль, что произведения Пушкина вторичны. Слишком мало на Западе людей, которые способны оценить то уникальное, что воплотил Пушкин в своём, русском контексте, в условиях своего времени.

Действительно, можно говорить об английских Аннах Карениных, о французских Сонях Мармеладовых. Но Татьяна представляется только русской и никакой иной не может быть. Вот почему так сложно принять и по достоинству оценить Пушкина нерусскому читателю и помимо лингвистических трудностей. Слишком глубоко уходят корни его творчества в русскую жизнь, русскую культуру, чтобы быть оторванными от неё даже попыткой перевода. И всё же очень хочется надеяться, что найдутся переводчики, которые сумеют раскрыть красоту и глубину пушкинского слова для англоязычного читателя. Если же Пушкин так и не приблизится к нам, что ж, всегда остаётся возможность, через углублённое изучение русского языка и русской культуры, нам приблизиться к нему...»

Написанное Адамом исследование — при всей своей небесспорности, — несомненно, ещё одно объяснение в любви к Александру Сергеевичу. Любви наиболее трогательной — с оттенком горечи. Ибо горечь издавна присутствует в самой постановке проблемы «Пушкин в переводах».

Когда-то Борис Заходер, по его собственным словам, намеревался написать скрупулёзное исследование «О причинах непереводимости на русский язык, равно как и на все прочие языки, произведения Льюиса Кэрролла «Алиса в Стране чудес». Правда, вместо создания этой устаревшей монографии он в конце концов блистательно перевёл «Алису». Для того же, чтобы перевести на французский пушкинских «Бесов», нужно было быть Мариной Цветаевой.

Когда же Владимир Набоков попытался передать на английском «Я помню чудное мгновенье...», то, как говорится, схватился за голову. Как ни бейся, как ни изощрайся, — первая строка, если хочешь быть верным оригиналу, получается: «I remember the wonderful moment». Только так и никак иначе. И как же,

воскликает в отчаянии переводчик, — заметим, замечательный англоязычный писатель и непревзойдённый художник русского слова, — как убедить западного читателя, что вот этот банальнейший набор плоских звуков — начало самого колдовского стихотворения в мировой поэзии?

«Чудное мгновение» Набоков всё-таки перевёл. Вероятно, лучше, чем это сделал бы кто угодно иной. Но... «Роняет лес багряный свой убор...», «Редеет облаков летучая гряда...», ждёт в глуши лесов сосновых бессмертная «дряхлая голубка». (Помните цветаевское: «Скажу: «подруга», скажу: «голубка», — и заболит»?) А в переводах, подозреваю, — всё тот же «банальнейший набор плоских звуков»...

ПУШКИНИАНА

Вот, как кажется, момент, обойдённый американским почитателем русского поэта, добросовестно отметившим среди проблем перевода лингвистические трудности и несходство менталитетов. Чтобы переводить Шекспира, надо быть по меньшей мере Пастернаком. Байрона — Лермонтовым, Брюсовым, Блоком.

А Пушкина?.. Родятся ли в двадцать первом веке новые Набоков, Цветаева, Пастернак? И будут ли нужны этому веку «Пророк», и «Мадонна», и «Зимняя дорога», и «Царскосельская статуя»?

Я пытаюсь представить стремительное, отрывисто-разноязычное следующее поколение, бросающее снисходительный взгляд в прошлое, на Пушкина. И всякий раз предстаёт взору иное: он, всё так же легко и беспечно идущий впереди, оглядывается через плечо на те, будущие поколения, вечно зовя за собою...

**Молодой переводчик поэзии
А.С. Пушкина на английский язык
Джулиан Лоуэнфельд**